

ХАНАЛИЕВ Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук; первый секретарь департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел РФ (119200, Россия, г. Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34; nur.han.mid@gmail.com)

ВЛИЯНИЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ВЕКТОРА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА БЕЗОПАСНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Статья посвящена изменениям во внешней энергетической политике ключевых центральноазиатских государств в контексте глобального энергетического кризиса. Автор акцентирует внимание на взаимосвязь между рентой углеводородов, стабильностью режимов и новыми внешнеполитическими стратегиями Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. В статье делается вывод о влиянии меняющегося вектора энергетической политики центральноазиатских республик на региональную безопасность, вызванную сменой ключевых внешних партнеров. По мнению автора, это происходит из-за срачивания топ-менеджмента углеводородных компаний с политическими элитами, что приводит к структурно-политическим и экономическим искажениям, которые нелегко устранить даже в условиях нынешнего нефтяного кризиса и обострения социальных кризисных явлений, порожденных пандемией коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, Центральная Азия, энергетическая политика, энергетический кризис, энергетические компании, региональная безопасность, социально-кризисные явления

Страны, в которых государственные нефтегазовые компании находятся в тесной связке с политическими элитами, столкнулись как с существенными потерями по сравнению с быстро развивающимися импортерами нефти, так и с абсолютным снижением темпов роста в отрасли из-за так называемой зеленой революции. Так, в Казахстане протестная активность под лозунгами «зеленой революции» проецируется националистической организацией «Рух пен тил» на внутривнутриполитические процессы в республике, которые блокируются государством путем активизации сомнительных организаций исламского толка, аффилированных с действующей властью. Именно этим вызвана лояльность правоохранительных органов Казахстана к деятельности ваххабитов в республике. Экстремисты нашли путь в Казахстан через соседний Кыргызстан. Журналист «Ферганы» Аликбек Маматаев называет Кыргызстан центром ваххабитской идеологии¹.

Стоит обратить внимание на то, как запутанная система корпоративных интересов, объединяющая центральноазиатских производителей углеводородов, приводит к структурным и экономическим перекосам, которые, вместо уменьшения чрезмерной экономической зависимости от углеводородов, непосредственно влияют на формирование внешней политики и подстегивают поиск новых потребителей углеводородов (например, сближение с Китаем).

Из-за значительной зависимости от доходов, связанных с ископаемым топливом, ключевые центральноазиатские нефтяные государства столкнулись с экономическими и политическими трудностями, возникающими в результате трансформации структуры энергоресурсов. При этом энергетическая

¹ Ваххабиты нашли путь в Казахстан через соседнюю Киргизию. – *Караван*. Доступ: <https://www.caravan.kz/news/vakhkhability-nashli-put-v-kazakhstan-cherez-sosednyuyu-kirgiziyu-smi-384085/> (проверено 26.03.2021).

трансформация вполне может подорвать способность нефтяных государств использовать нефтяную ренту в качестве инструмента транзита энергоресурсов за границу. Усилия по урегулированию кризиса, связанного с потерей энергетического рычага из-за трансформации структуры энергоресурсов, могут оказать прямое влияние на их внешнеполитические стратегии и смену внешнеполитического курса центральноазиатскими властными элитами.

Так, ключевые интересы Пекина в Кыргызстане и Таджикистане остаются относительно неизменными на протяжении последних 10 лет. Их можно разделить на три основные группы.

Во-первых, это обеспечение стабильности в Кыргызстане и Таджикистане, что выражается в оказании комплексного содействия в обеспечении политической стабильности (отсутствие непредвиденных смен первых лиц государств), социальной стабильности (отсутствие постоянных крупномасштабных социальных волнений, вызванных экономической стагнацией) и внешнеполитической стабильности. В течение многих лет в Синьцзяне продолжались отдельные локальные насильственные акции протеста, но с 2014 г. уровень беспорядков усилился. Кроме того, растущее число уйгурских боевиков в горячих точках по всему миру, особенно в Афганистане и Сирии, заставляет Пекин опасаться транзита нестабильности из Афганистана в Центральную Азию.

Во-вторых, это содействие экономическому развитию Синьцзяна. Со времен Мао лидеры китайского правительства избрали политику развития более бедной западной части Китая. С 1990-х гг. одним из ключевых компонентов этой политики было построение экспортных маршрутов в Центральную Азию и за ее пределы. Кыргызстан и Таджикистан не являются крупными рынками-импортерами, но Кыргызстан был центром реэкспорта китайских товаров в период с 2004 по 2010 г. С тех пор он превратился в центр производства текстиля для китайского экспорта. Усилия по развитию экономики Синьцзяна рассматривались как важная мера по снижению напряженности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) до 2016 г. Эта политика официально действует до сих пор. Однако наличие крупномасштабных лагерей для интернированных (с 2017 г. в них были заключены около 1 млн уйгуров) показывает, что экономическое развитие больше не рассматривается как ключевое решение проблемы межэтнической напряженности.

В-третьих, это обеспечение заинтересованности Кыргызстана и Таджикистана во взаимодействии с Китаем. Это выражается в том, что они поддерживают политику Пекина по ключевым решениям на международных площадках и в области экспорта китайских проектов в свои страны или, по крайней мере, не выступают против нее.

Экономические планы Китая реализуются в Кыргызстане и Таджикистане посредством двусторонних встреч и через площадку ШОС. Ключевыми китайскими проектами, которые оказали влияние на Центральную Азию, были «Развитие Запада», «Выход» и *BRI* («Один пояс – один путь»).

Подписание соглашений с Китаем о межгосударственных займах на развитие инфраструктуры как для Кыргызстана, так и для Таджикистана практически прекратилось после 2014 г. Что касается проблем безопасности, то в Таджикистане и, в меньшей степени, в Кыргызстане Китай наращивает свой потенциал посредством обучения, предоставления оборудования и строительства объектов (таких, как пограничные посты). Он поддерживает действующее руководство Таджикистана в лице Эмомали Рахмона.

Иначе обстоят дела с Казахстаном. Половина государственных доходов страны обеспечивается за счет нефти. «КазМунайГаз» – государственная нефтегазовая компания – является крупнейшим в стране источником твердой

валюты. Недавнее падение цен на нефть показывает, что чрезмерная зависимость Казахстана от углеводородного сектора делает его экономику уязвимой и нестабильной.

С политической точки зрения осуществление структурных реформ, которые сделают энергетический сектор республики более эффективным, может повлиять на судьбу доминирующих в Казахстане властных акторов и энергетической элиты. По сути, конгломерат государственной власти сосредоточен вокруг семьи первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и его давних личных связей. Однако растущие проблемы, связанные с сокращением доходов от ископаемого топлива, а также увеличивающаяся озабоченность по поводу прибыльности рынка нефти в Европе и постепенный переход к «зеленой экономике» свидетельствуют, что экономическая модель республики находится под угрозой.

Товарооборот с Китаем в январе–ноябре 2020 г. достиг 12,85 млрд долл. США, что составляет 13,8% казахстанского экспорта и 16,3% его импорта, уступая по объему только торговле с Россией. На сегодняшний день крупным государственным китайским компаниям принадлежит почти четверть добычи нефти и больше 50% ее переработки в Казахстане. Около половины крупных инвестиций Китая в Казахстан на общую сумму 27,6 млрд долл. США приходится на нефтегазовые проекты. Уместно подчеркнуть, что Китай является также и крупнейшим разработчиком возобновляемых источников энергии в Казахстане. Его влияние на республику может быть рассмотрено сквозь призму двух противоречивых тенденций: инвестиции Китая в возобновляемые источники энергии снижают стоимость солнечной и ветровой энергии, но одновременное использование Китаем казахстанской нефти и газа обеспечивает финансирование новых углеводородных проектов в республике.

Нефтепровод «Казахстан–Китай» функционирует с 2005 г. и является первой для Китая прямой линией импорта нефти из Центральной Азии [Фишер, Юри, Паттон 2019: 13]. С тех пор спрос в Китае на казахстанскую нефть постоянно растет: в 2019 г. Казахстан увеличил экспорт нефти в Китай до 6–7 млн т в год. В то же время в Европу было экспортировано только около 1 млн т. По прогнозам экспертов, спрос на нефть в ЕС к 2021 г. сократится из-за отхода от углеводородов и перенасыщенности рынка, связанной с американской «сланцевой революцией» в сфере нефти и газа.

Несмотря на то что Казахстан не отказался от поддержки своих углеводородных интересов, проекты по возобновляемым источникам энергии активно развиваются при поддержке разнообразных финансовых учреждений.

Что касается Узбекистана, то во время правления Ислама Каримова стабильность режима обеспечивалась жесткой и довольно закрытой системой власти. Страна опиралась на энергоемкую добычу углерода и потребляла 2/3 своей добычи газа, мало экспортируя. Нынешний президент Узбекистана Шавкат Мирзиев прикладывает усилия для поддержания стабильности режима, используя совершенно противоположные методы управления – смелую политику экономической открытости, в которой особое место уделяется России и Китаю.

Безусловно, Узбекистан нуждается в иностранных партнерах и в выходах на зарубежные рынки для диверсификации экономики. Наиболее очевидным партнером Узбекистана является именно Китай, поскольку он уже продолжительное время импортирует узбекский газ через газопроводную систему «Центральная Азия – Китай». Несмотря на то, что основной объем газа из Центральной Азии поступает в Китай из Туркменистана, поставки узбекского газа активно растут.

Газопровод «Центральная Азия – Китай» имеет протяженность в 3 666 км и является основой инфраструктурных связей между Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и Китаем. Китай быстро зарекомендовал себя в качестве крупного импортера узбекского газа. Так, узбекская государственная компания «Узбекнефтегаз» сообщила, что в 2019 г. было экспортировано 15 млрд куб. м газа, что на 15% больше, чем в 2018 г. Большая часть экспорта узбекского газа приходится на Китай. Только в 2019 г. в Узбекистане было зарегистрировано более 500 новых китайских компаний.

За тот непродолжительный период, в течение которого Шафкат Мирзиев руководит Узбекистаном, ему удалось восстановить отношения с Россией. Такие российские нефтегазовые гиганты, как Лукойл, Роснефть и Газпром, по-прежнему сильно заинтересованы в добыче углеводородов в Центрально-Азиатском регионе и торговле ими. Узбекистан, который также богат ураном, установил ряд международных партнерских отношений с Россией, в т.ч. с российской государственной атомной энергетической компанией «Росатом», которая заключила соглашение в размере 11 млрд долл. о строительстве первого в республике коммерческого ядерного реактора, и с российской *RenovaGroup*, которая выразила заинтересованность в строительстве солнечных парков в Узбекистане.

Шавкат Мирзиев, долгое время являвшийся приверженцем ископаемого топлива для генерации энергии, теперь делает упор на развитие альтернативной энергии. Государственная нефтегазовая компания Узбекистана «Узбекнефтегаз» ставит перед собой смелую задачу – к 2030 г. увеличить выработку возобновляемой электроэнергии до 16% энергетического баланса страны, а также увеличить использование других возобновляемых источников энергии [Смирнов, Кохтюлина 2012].

США и ЕС также рассматривают Узбекистан в качестве важного партнера в Центральной Азии, исходя из того, что без участия Ташкента ни один крупный вопрос в регионе, по их мнению, решить не удастся. Так, США намерены использовать заинтересованность Узбекистана во внешней финансовой помощи и содействии в области безопасности для вовлечения Ташкента в более тесное сотрудничество, в т.ч. в рамках нового формата взаимодействия C5 + 1, а также в военной сфере и по линии спецслужб.

Руководство ЕС, в свою очередь, рассчитывает, что активизация партнерства с Ташкентом будет способствовать укреплению безопасности стран единой Европы от террористических угроз. Это взаимодействие планируется осуществлять на двусторонней основе, а также в координации с ОБСЕ и Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии. Взамен ЕС считает возможным сгладить критическую риторику в диалоге с Ташкентом по тематике прав человека. В то же время вышеупомянутые усилия призваны ослабить влияние России в Центральной Азии в целом и в Узбекистане в частности.

Энергетическая политика Туркменистана демонстрирует хорошую динамику. Туркменистан является крупнейшим в регионе производителем природного газа. Углеводороды, в основном в форме газа, составляют более 90% экспортных доходов Туркменистана. Ашхабад занимает 4-е место в мире по размерам запасов газа и за 2019 г. экспортировал 33,3 млрд куб. м.

Стоит подчеркнуть, что Китай стремится получить доступ к углеводородным ресурсам Туркменистана на более привилегированной основе, чем просто импорт продукта. Масштабные инвестиции китайских государственных компаний в добычу и транспортировку туркменского газа имеют ряд ключевых аспектов.

Во-первых, после того как экспорт туркменского газа в Иран и Россию заметно снизился, Китай является единственным значительным покупателем газа у Ашхабада. Таким образом, резкое снижение энергетического взаимодействия Туркменистана с Россией в пользу Китая в качестве основного экспортного партнера республики является примером кардинальной смены внешнеполитического курса, которая, безусловно, отразится на динамике безопасности в регионе в ущерб интересам России.

Во-вторых, нужно учитывать возможное снижение эксклюзивности поставок туркменского газа после завершения строительства газопровода «Сила Сибири» протяженностью 4 000 км из Сибири в Китай.

В-третьих, позиции Ашхабада ослаблены из-за активной деятельности Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК) в Туркменистане. Авторитарная и неблагополучная политическая система республики, как известно, закрыта для иностранных инвестиций. Избегая контактов с международными нефтяными компаниями и не решаясь работать с иностранными инвесторами, Ашхабад полагается исключительно на две иностранные компании – КННК и *Petronas* (которые получают более 1/4 добытого на территории республики газа), что еще более усугубляет ситуацию в Туркменистане.

Государства Центральной Азии столкнулись со схожими изменениями вектора энергетической политики, но в то же время они имеют совершенно разные подходы к определению стратегии реализации внешней политики. Взаимосвязь между стремлением перейти, по европейскому образцу, к альтернативным источникам энергии и давлением со стороны стремящегося к ренте импортера углеводородов Китая оказывает заметное влияние на энергетическую геополитику Центральной Азии [Василенко 2018].

Помимо этого, когда национальная политика в нефтедобывающих республиках связана с влиянием элитарных политических групп, озабоченных только лишь максимизацией краткосрочной прибыли, оппортунистические подходы к реализации национальной экономики объясняют изменения и во внешней политике. Ситуация в Туркменистане является наихудшей среди рассматриваемых центральноазиатских стран: подобная тенденция прослеживается в резком энергетическом повороте Ашхабада в сторону Китая.

В целом ряде случаев петро-государства приходят к подобным сдвигам только после возникновения серьезных угроз существующей политической элите и ее режиму, что сейчас наблюдается в Центральной Азии. Однако, в отличие от Таджикистана и Киргизстана, которые считают своим приоритетом партнерство с Россией, такие республики, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, предприняли попытки отойти от сложившегося партнерства с Москвой в пользу многовекторности, в основном в направлении Запада и Китая, взаимодействие с которыми, по их мнению, будет более эффективным для поддержания «социального договора», который, в свою очередь, позволяет политическим элитам сохранить свои режимы.

Таким образом, происшедшая в Центральной Азии бифуркация и, как следствие, изменение республиками направления энергетической политики не могут не отразиться на уровне безопасности в регионе. По сути, раскол Центральной Азии на две группы государств создает определенную конфронтацию международных сил в регионе, что заметно усложняет миротворческую деятельность России.

Список литературы

Василенко И.А. 2018. Роль евразийской идеи в формировании политического имиджа России в условиях новых вызовов информационной войны. — *Экономические стратегии*. № 4. С. 34-40

Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. 2012. *Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России*. М.: ВНИИГеосистем. 276 с.

Фишер Р., Юри У., Паттон Б. 2019. *Переговоры без поражения. Гарвардский метод* (пер. с англ.). М.: Манн, Иванов и Фербер. 272 с.

KHANALIYEV Nuradin Umarpashovich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), First Secretary of the Department for New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq, Moscow, Russia, 119200; nur.han.mid@gmail.com)

IMPACT OF THE CHANGING VECTOR OF THE ENERGY POLICY OF CENTRAL ASIA COUNTRIES ON SAFETY AND STABILITY IN THE REGION

Abstract. *The article is devoted to the changes in the foreign energy policy of the key Central Asian states in the context of the global energy crisis. The author focuses on the relationship between hydrocarbon rent, regime stability and new foreign policy strategies of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan. The article concludes about the influence of the changing vector of the energy policy of the Central Asian republics on regional security caused by the change in key external partners. According to the author, this is due to the merging of the top management of hydrocarbon companies with pro-government actors, which leads to structural, political and economic distortions that are not easy to eliminate, even in the context of the current oil crisis and the exacerbation of social and crisis phenomena caused by the coronavirus pandemic.*

Keywords: *Russia, China, USA, Central Asia, energy policy, energy crisis, energy companies, regional security, social crisis*
